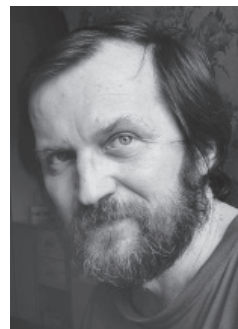

Народная письменность

ОЛЕГ НИКОЛАЕВ
Филолог

Филолог «широкого профиля», фольклорист, культурный антрополог, историк повседневности XX века. В фольклорно-этнографических экспедициях по России провёл последние 32 года: Северо-Запад, Обь-Иртышский Север, Кольский полуостров. Пространства, данные изначально и навсегда: Васильевский остров и псковская деревня Железница (исчезла в 1974 году). Сфера нынешних научных интересов: народная письменность и наивная литература XX века; «genius loci» («локальные мифы» и «локальные тексты»); история советской повседневности. Основное дело — создание архивов. Главная сверхнаучная задача: отличать «живое» от «неживого». Член редколлегии альманаха «Русский миръ», ведущий рубрики «Народная письменность».

ДНЕВНИК СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ ВРЕМЕНИ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ

Народная письменность Великой Отечественной войны крайне плохо известна даже науке. Продолжает действовать инерция советской эпохи, которая не признавала историко-культурную ценность «человеческих документов», не совпадавших с официально признанными моделями исторических источников. Советским людям казалось по книгам и кинематографу, что простые люди разве что писали письма домой (или на фронт) и получали их, а дневники и последующие воспоминания — это удел и привилегия военачальников.

Дневники во время войны, тем не менее, вели и самые обыкновенные люди, а не только профессиональные литераторы и военкоры. Вели на фронте, в тылу, в блокадном Ленинграде, в оккупации... Дневниковые записи (особенно на передовой) вести было опасно. Виктор Астафьев писал в комментариях к роману «Прокляты и убиты»: «...нам-то товарищи комиссары запрещали вообще что-либо писать, кроме писем родным и благодарностей товарищу Сталину за его гениальное нами руководство». Ведение дневника могло стать причиной ареста автора органами НКВД и — часто! — смертного приговора. Таковы дневники, хранящиеся в архиве Большого Дома и опубликованные в книге «Блокадные дневники и документы» (СПб., 2007).

Вести дневниковые записи в условиях оккупации тоже было чревато, хотя легче было писать втайне и проще спрятать. Массовые представления о фашистской оккупации устойчиво формировались в советскую эпоху книгами о партизанской борьбе и пионерах-героях. Плакатно-героическое представление о жизни под властью немецко-фашистских за-

хватчиков в наше время меняется на сложное, трагическое, обладающее «человеческим измерением». Свою роль в этом процессе сыграли и опубликованные (совсем недавно) дневники времени оккупации*.

Публикуемый дневник М. Я. Германовой, 19-летней сельской учительницы, описывает жизнь псковской деревни под властью оккупантов. В отечественной издательской практике это, наверное, первая публикация подобного историко-культурного источника.

Мария Яковлевна Германова (1922–1997) родилась в деревне Заовражье, Сланцевского района, Ленинградской области. Исторически — на Гдовщине (это территория бывшего Гдовского уезда Псковской губернии). В 1938–1940-х годах училась в Гдовском педагогическом училище, потом вернулась в деревню, там пережила оккупацию, работала учительницей младших классов и рисования в школе в д. Рудно, потом — в с. Новоселье, руководила школьным хором, делала ковры ручной работы.

В 1960-х годах Германова пыталась вырваться из деревни, писала письма в высшие инстанции с просьбой перевести её работать в город; уехала работать в Карелию, но долго там не продержалась и вернулась обратно. Мария Яковлевна начала вести дневниковые записи примерно с 1936 года и вела их до конца своих дней, создав своего рода «сагу» (огромную по объёму!) жизни гдовской «глубинки».

Дневники Германовой были выявлены в начале 2000-х годов фольклорно-этнографической экспедицией Академической гимназии СПбГУ в д. Новоселье, Сланцевского района, Ленинградской области, где они и сейчас хранятся. Часть материалов была передана на время в фольклорный архив Академической гимназии. За эти годы дневники не раз использовались в научно-исследовательской и преподавательской работе. Мало того, ими зачитывались многие мои коллеги. Для публикации избраны фрагменты дневника М. Я. Германовой, охватывающие период: с 22 июня 1941 года по 14 января 1942 года (с начала войны до Нового года, по старому стилю).

Жизнь в оккупации предстаёт в дневнике Германовой необычайно многогранной. В этом — несомненный талант автора как «бытописателя». День за днём складывается сложная картина меняющегося деревенского мира. Появляются новые звуки (гудение самолетов, разрывы бомб и т. д.), новые персонажи (беженцы, отбившиеся от частей советские солдаты, немцы), новые слухи. Самое интересное в дневнике Германовой — это динамика изменений настроений и поведения людей в условиях оккупации. Большая часть населения, оказывается, «рада приходу немцев», причём по разным причинам. Кто-то надеется на получение земли в частную собственность. Кто-то рад возвращению старого уклада жизни. Кто-то верит в то, что фашисты помогут сбросить советский режим. И все эти позиции меняются со временем, что не уходит от внимания Германовой.

* *Кравченко-Бережной Р. А.* Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века. СПб., 2008; *Жизнь в оккупации: Пушкин, Гатчина, Эстония. Дневник Люси Хордьяйнен.* СПб., 2001; *Хабарова (Доброхотова) З. А.* Дневник // Историко-публицистический альманах «Москва-Крым». 2003. № 5 и др.

Панорама ситуаций человеческого выбора в дневнике достойна масштабного эпического повествования. Многие из крестьян, пользуясь смежной властью, начинают сводить счёты с теми, кому раньше завидовали. Кто-то уходит в партизаны или помогает им. Кто-то, напротив, выдаёт «лесных жителей» немцам. Вчерашние партийные активисты и преподаватели педучилища начинают служить фашистской власти, что вызывает недоумение автора: «Вот вы, милые педагоги, нас, бывало, одёргивали за политические слова против власти, приговаривая: „Германова, следи за собой, о чём говоришь. Стены и те слышат“. А сами вот теперь как».

Читателя, привыкшего к идеологическому дискурсу советских текстов о войне, позиция самой Марии Яковлевны может удивить своей неоднозначностью, гибкостью, аналитичностью. Её наблюдения пронизаны глубокой рефлексией. Она сомневается, вопрошает, взвешивает аргументы с разных сторон, размышляет. Будучи «советским человеком» (прежде всего, вследствие своего учительского образования), М. Я. Германова, наверное, не случайно в своё время «осталась беспартийной», несмотря на «уговаривания, угрозы, насмешки» коллег, которых она, судя по дневнику, очень уважала. Эта «непрописанность» по идеологическому лагерю позволяет ей сохранять возможность анализировать и оценивать. Она приводит пропагандистские тексты из немецких газет (одно это — уже смертный приговор НКВД) и во многом соглашается с их критикой советского режима: «А и метко же, гады, бьют словами по порядкам в СССР, метко и удачно подбирают и выискивают цитаты и рифмы для осмеивания, для критики».

Конечно, в своих размышлениях Германова не выходит на серьёзный уровень философско-политических обобщений и часто сворачивает на хорошо обкатанные рельсы советских идеологов, например, на миф о вредительстве. Но её открытость, готовность к осмыслению новых жизненных наблюдений, в которых она себя идеологически не ограничивает, не только делает её дневник уникальным источником по оккупационной повседневности, но и создаёт внутреннюю интригу повествования. Читателю всё время хочется знать, что же ещё заметит Германова в окружающей действительности и как попытается это осмыслить.

Открытость и динамичность рефлексии Германовой восходят к её особой — пограничной — культурной позиции. Она — интеллигент в первом поколении. Получить образование и стать учительницей ей — как она сама понимает — позволила именно советская власть. Фашистский режим с декларируемыми им традиционными семейными и гендерными ценностями Германова воспринимает как угрозу новому сообществу сельских советских интеллигентов: «А каково нам, учёной молодёжи, смиряться с теперешними нравами, усаживаться на землю-матушку, обхватывать её двумя руками!» Особую остроту её полемики с немецкой пропагандой задаёт тема женской эмансипации — в обличье советской идеологемы «освобождённой женщины»: «Вот вам, советские девушки. Вы теперь не потеряете способность стать матерью, будете годны рожать по 10-15 ребятшек, вечно знать печку, хозяйство, грязь, говно, пьяного, грязного, некультурного мужика-мужа».

Ещё больше — как и свойственно личным дневникам — Германову волнует возможность утраты собственной идентичности: ей, «бывшей советской девушке», грозит перерождение в «настоящую деревенскую бабу». Её пугает перспектива: «век свой... коптеть в деревне бабой-неряхой: полоскать, мёрзнуть, ткать, прясть», — а ещё больше страшит то, что она начинает «уже привыкать к этому, спокойно всё принимать на себя».

По Германовой, сопротивление оккупационному режиму выражается не только в сохранении идеологических убеждений, но, прежде всего, в отстаивании культурной самостоятельности сообщества сельских учителей. «Наш круг» (как его называет Германова) в повседневности оккупированной деревни всё время декларирует своим поведением свою особость. Учителя по-особенному одеваются, не по-крестьянски справляют праздники, ведут другие разговоры: «Мы, учителя — все вместе. ... Четверо с часами»; «Фокстроты танцуем мы, учителя, а общие — сидим» и т. д. и т. п. Германова даже ловит себя на мысли, что думает «не о маме, о ребятишках, о Ване, а всё — о школе, об учениках, о школьных порядках в СССР».

Но Германова не только сельская учительница советского образца, она и деревенская девушка с Гдовщины, выросшая в крестьянской среде, хотя и испытавшей влияние советского режима, но, по крайней мере, до войны в основе своей ещё сохранившей ценности традиционной культуры. Она пишет на правильном литературном языке, но в жизни, наверное, говорила на диалекте, и множество особенностей народной речи органично вписались в её дневниковый дискурс. Германова была заядлым и вдумчивым читателем: на страницах дневника немало отражено читательских впечатлений и размышлений; литературные образцы отчетливо сказываются на её стиле, например, природоописании. При этом она вовсе не отвергла со своей учёной позиции традиции народной словесности. Так, оплакивая своё временное «сиротство», она воспроизводит в дневнике блестящий образец причитания, письменно симпровизированного ей на основе традиции: «А может, нет и вас, может, и ваши белые личеньки покрыла пыль горячая, может, ваши ясны оченьки клюют вороны чёрные?! Эх, милые братушки и сестренки, рано нашли себе покой! Рано оставили свою сестрицу старшую одну жизнь коротать, слезами жгучими да грустью всех вас частенько вспоминать!» В псковской традиции плач голосом включался не только в ритуальные ситуации (свадьба, похороны), но и мог сопровождать глубокие личные переживания.

М. Я. Германова считает себя «советской девушкой», при этом в её записях всплывают молитвы и речевые формулы православной традиции: «Боже, Боже, помоги мне!», «Дай-то Бог! Помоги, Царица Небесная!» и др. Да и нравственные ориентиры, с которых она оценивает происходящее, в основе восходят к христианскому учению. Она в записях часто «бунтует» против засилья крестьянского труда, но с откровенной радостью занимается традиционным рукоделием.

Примеров такой культурной амбивалентности можно привести множество. Она вообще характерна для людей крестьянского происхождения поколения Германовой. Ей, возможно, как никому другому, благодаря на-

блюдательности и рефлексии, удалось столь полно и многогранно воплотить культурную двойственность (если не конфликтность) сознания «переходной» эпохи. И в этом контексте сложно переоценить ценность её дневников как историко-этнографического источника.

Уникальным (скорее, даже единственным в своём роде) выглядит «праздничная летопись» в составе дневника Германовой: описания праздников занимают в них чуть ли не доминирующее место. В «праздничном дискурсе» отчётливо проявляется эта культурная амбивалентность. С одной стороны, Германова (с точки зрения «нашего учёного круга», как она сама говорит) склонна постоянно отслеживать проявления «дикости, грубости, нахальства» в крестьянских праздниках. С другой стороны, она находится внутри этой традиции, определяющей локальную идентичность местных жителей, а значит, и её самой. Значимость престольного праздника своей деревни (Михайлов день) для неё оказывается непреложной: «Вот и, слава Богу, проводила и я праздник, как у людей». «Свой» праздник — один из главных признаков родины. Не случайно Германова цитирует «четверостишие из какого-то стишка»:

*Встретит праздник родной
Он в чужой стороне,
А быть может, давно
Он убит на войне.*

Праздновать родной праздник на чужой стороне — для русского человека трагично, подобно тому, как быть погребённым в чужой земле.

Читателю, воспитанному на профессиональной словесности Нового времени, может показаться странным, что Германова столь много и так обстоятельно описывает праздники, тем более, для неискущённого взгляда, как две капли воды похожие друг на друга. Праздникам явно отдаётся предпочтение перед событийностью, даже исторической значимости. В этом проявляется глубинная закономерность народной письменной словесности. Наивные авторы наполняют свои автобиографические тексты подробнейшими (и бесконечно повторяющимися) описаниями свадеб, похорон, календарных праздников, с детальной фиксацией обрядового поведения, с включением текстов песен и причитаний и т. д. Обрядовая реальность явно осознаётся авторами как одна из наиболее значимых составляющих собственной жизненной истории, так как, согласно законам традиционной культуры, именно (и только!) ритуал делает жизнь реальной.

Приуроченность к осенне-зимнему периоду тоже добавляет «праздничный» колорит в дневник Германовой. Именно на это время приходятся так называемые «сезжие» (престольные) праздники. В псковской традиции деревни одного прихода не только праздновали общий «престол», но и каждая имела свой праздник, на который собиралась вся округа. Дневник Германовой даёт уникальную информацию об этом, приобретаем просторивенную форму народном календаре.

А если кому-то из читателей покажется, что Германова только и делает, что гуляет и песни поёт, то не надо забывать, что содержание и ритм крестьянской жизни обладают своей спецификой. Страда сменяется зимним сезоном домашних работ, а «рукоделие» (о котором так много пишет Германова) для крестьян — не забава, как для «дворяночек» (вчерашних инстинтуков) из русской классики, а жизненно необходимая (и тяжёлая) работа.

Кроме того, традиционное проживание молодости предполагало доминанту игровых форм жизни (гулянки, «супрядки» — посиделки) и ритуальную дозволенность нарушений крестьянского этикета. Отсюда увлечённость Германовой гаданьями; замужние крестьянки лишь в исключительных случаях (и то осознавая это как грех) прибегали к гадательной магии. Кстати, дневниковых форм свидетельств о традиционной крестьянской молодости сохранились буквально единицы.

Дневник Германовой является не только «человеческим документом» времени фашистской оккупации и памятником письменности провинциального учительства, но и образцом «местной», гдовской литературы.

Хорошо известно, что древнерусская литература развивалась, прежде всего, через локальные и региональные традиции. Заметна была «местная» литература и в дореволюционное время. Но в советскую эпоху победившая культурная модель централизации и унификации обрекла локальную словесность на некое «подземное» существование — в формах игнорируемой (да и вообще официально не существующей) народной письменности.

Германовой, благодаря языковому чутью и явным литературным способностям, удаётся создать свой, «заовражский», «гдовский» литературный язык. В отличие от профессиональных писателей, вводящих в свои произведения о деревне диалектные слова для создания этнографического колорита, Германова — наоборот — прививает гдовскую речь (которая для неё — своя, обычная) к литературному языку (который, впрочем, она тоже мыслит «своим» как учительница). Интересно, что эти слова теряют в тексте свою экзотичность, так как каждому читателю понятно: если Германова «привила» к своему повествованию диалектное слово, то без него она не может обойтись, и оно становится явлением гдовского литературного языка.

По этим, непреложным для Германовой, «словечкам» легко узнаётся псковский менталитет, который не воссоздан в ком-нибудь из героев (что обычно для литературы), а свойственен самому автору. Глаголы «сиветь, посиветь» (сесть, становиться сивого цвета) вполне понятны и носителю литературного языка, но в псковских говорах цветовой эпитет «сивый» фактически полностью заменяет слово «седой», сохраняя при этом тонкий ироничный оттенок: «сивый, как лунь», — который вовсе не обижает самих псковских жителей.

Таких «заметных» слов достаточно у Германовой. Некоторые из них передают устройство псковской крестьянской жизни, относясь к так называемой народной терминологии: рига — молотильный сарай с овином, крытый ток с сушилом; жито — ячмень в псковских говорах; пожня — по-

кос, луг; скать — сучить (изготавливать) пряжу (нити для вязания); супрядки — посиделки, вечерки; сукрёсток — перекрёсток и др.

Некоторые диалектные слова относятся к сфере игровой риторики, особо развитой в псковской традиции: калить — сильно бранить, журить, гонять или распекать; скакать — плясать; обдирать — подшучивать, подсмеивать. Так, Германова очень часто употребляет слово «чудить», одно из знаковых слов псковских говоров: «Чудить — дивить, мудрить, делать что, придумывать, строить, хитрить; странничать, чудачить; дурить, проказить с умыслу» (В. И. Даль). Правда, смысл псковского слова точно не переводим на литературный русский язык. Чудить — это, скорее, играть в самом широком смысле слова: играть в мысли, играть в речи, играть в поведении. А само употребление слова тут же сигнализирует о появлении иронической позиции рассказчика.

Дневник Германовой интересен не только как историко-культурный источник, он завораживает стихией своего повествования. Надеюсь, что эта публикация поможет преодолеть инерцию, которая до сих пор мешает нам видеть многогранность и многослойность русской словесности и шире — русского мира.

Для публикации выбраны фрагменты дневника М. Я. Германовой, с сохранением целостности подённых записей. Текст передан адекватно; частично изменены графический облик текста и пунктуация (но в соответствии с авторской интонацией). В квадратных скобках даются даты, соответствующие записям, но отсутствующие в самом дневнике. Плохо читаемые в рукописи и восстановленные слова передаются в угловых скобках; ими же обозначаются пропуски текста. Подчёркивания, выделения крупным шрифтом, использование прописных букв не по правилам правописания («родина», но «Красные воины») принадлежат М. Я. Германовой.

Выражаю глубокую признательность фольклористу Михаилу Лазаревичу Лурье за предоставление рукописи Германовой для работы и помощь в подготовке публикации.